

Александр ТАИРОВ

Кочевники Арало-Каспия и Хорезм в V – IV вв. до н.э.*

В VII в. до н.э. в низовьях Амударьи на основе кюзелигырской культуры начинается процесс формирования хорезмийской государственности, складывается местная династия. Примерно на рубеже VII и VI вв. до н.э. разворачивается строительство Кюзели-гыра, а не позднее начала VI в. до н.э. саки низовьев Амударьи получают свой собственный этноним – «хорасмии» («хорезмийцы»). Значительное влияние на возникновение государственности в Хорезмском оазисе оказали кочевники Южного Приаралья, являвшиеся одним из компонентов формирующейся кюзелигырской культуры¹. В дальнейшем же существенное воздействие на внутреннюю жизнь Хорезма оказывали кочевники Арало-Каспия – Узбоя, Закаспия, Устюрта и Южного Приуралья.

Наиболее раннюю группу памятников кочевников Устюрта, суммарно относимую к VII – IV вв. до н.э., составляют курганы с каменными ящиками на древнем горизонте². V – II вв. до н.э. датируется период культуры погребений на горизонте под курганной насыпью (в каменном ящике, или в пределах каменного кольца, или спирали, или в склепах на горизонте для многоактных захоронений)³. Памятники этой культуры распространены в Закаспии, по Узбою, всему Устюрту и Мангышлаку⁴. По мнению В.Н. Ягодина, это культура скотоводческих племен, кочевавших, используя плато Устюрт и прилегающие к нему районы как пастбищные и зимовочные территории⁵. Ряд исследователей считают возможным этнически определить данную группу погребений Устюрта, а также близкие им погребальные комплексы Узбоя и Мангышлака (прежде всего склепы на горизонте) как принадлежащие массагетам⁶. Происхождение этой группы памятников связано, очевидно, с сакскими племенами Южного Приаралья, обитавшими в предшествующее время на территории Присарыкамышской дельты Амударьи.⁷

Кочевники присарыкамышского историко-этнографического района в доахеменидское время вряд ли были однородны в хозяйственном отношении. Часть их, вероятно, имея зимовья в Присарыкамышье, на лето уходила в степи Южного Приуралья. Другая кочевала по Устюрту, имея в Присарыкамышье лишь зимовочные территории. Третья вела полукочевой образ жизни не выходя за пределы региона. После политических событий второй половины VI в. до н.э. в Средней Азии, связанных с завоевательной политикой Ахеменидской державы, присарыкамышская группировка кочевников раскололась. Одни из них связали свою судьбу с Хорезмом – это были, прежде всего, полукочевники, носители куюсайской культуры. Их хозяйство было наиболее связано с Присарыкамышьем. И в ахеменидское время поселения куюсайской культуры здесь сосуществуют с памятниками кюзелигырской культуры⁸. Другие же, не желая подчиниться Хорезму и Ахеменидам, вынуждены были изменить места своих основных зимних пастбищ, передвинув их на запад – на Устюрт и Мангышлак. Таким образом, плато Устюрт и прилегающие к нему районы (Узбой, Закаспий, Мангышлак) стали использоваться не только как летние пастбищные территории, но и как зимовочные⁹. Данная группа кочевников в новую эпоху сохранила в своей погребальной

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 05-01-85105а/У.

обрядности ряд признаков предшествующего, раннесакского, времени. Это, во-первых, возведение погребального сооружения на древнем горизонте. Во-вторых, сооружение коридорообразных входов-дромосов, ведущих в погребальные камеры. В-третьих, обычай, допускающий частичное или даже полное разрушение относительно более ранних захоронений при совершении последующих. В-четвертых, сооружение специальных каменных валиков, иногда двойных, ограничивающих места захоронений¹⁰. Не исключено, на наш взгляд, и то, что на распространении в Восточном Прикаспии наземных склепов с коридорообразными входами определенное воздействие оказали южноуральские кочевники, которые уже с конца VI в. до н.э. широко использовали в своей погребальной обрядности дромосные могилы, в том числе и для коллективных захоронений.

Процесс освоения номадами Восточного Прикаспия района Узбоя, начавшийся не ранее середины I тыс. до н.э. и связанный с изменением экологической обстановки¹¹, привел к тому, что на рубеже V–IV вв. до н.э. здесь появляются отдельные памятники, а в IV в. до н.э. складывается своеобразная культура скотоводческого населения. Представлена она не только погребальными памятниками (наземные каменные склепы с коллективными многоактными захоронениями), но и культовыми комплексами и сезонными поселениями. Отдельные черты погребального обряда и немногочисленный инвентарь узбойских памятников (предметы вооружения, пряжки, костяные ложечки, глиняные курильницы, украшения) находят ближайšie аналогии в раннесарматских памятниках Южного Урала. Прослеживаются тесные связи скотоводов этого региона и с оседлым населением Хорезма и подгорной равнины Копетдага, а также с более отдаленными областями Ирана и Закавказья¹². Помимо погребений на горизонте внутри каменного сооружения, в южной части Восточного Прикаспия (Большой Балхан, Узбой, Заузбойское плато) выявлено небольшое количество земляных курганов. Под их насыпью исследованы подбойные и катакомбные захоронения с южной и северной ориентировкой погребенного. Датируются они широко – IV – II вв. до н.э. и первые века н.э.¹³

Параллельно культуре погребений на горизонте на Устюрте, как считает В.Н. Ягодин, существовала и другая археологическая культура – «...савромато-сарматская в том ее варианте, который известен в науке как самаро-уральская группа или область»¹⁴. Об этом свидетельствует чрезвычайная близость погребальных памятников Устюрта и Южного Приуралья. Это погребения в подбоях с южной ориентировкой покойника; погребения в широкой прямоугольной грунтовой яме, ориентированной широтно или меридионально, в центре подквадратного или круглого каменного сооружения на древнем горизонте; погребения в узкой грунтовой яме с каменным кольцом на древнем горизонте; погребения в яме с заплечиками¹⁵. Исследованы здесь, в могильнике Дэвкескен 4, и коллективные многоактные погребения V–рубежа V–IV вв. до н.э. в обширных могильных ямах, часто с дромосами¹⁶.

По мнению В.Н. Ягодина, с которым мы согласны в принципе, часть населения Южного Приуралья «... вела кочевой образ жизни с круглогодичным циклом кочевания. Пути кочевий шли в меридиональном направлении и выходили на юге к границам древних городских и оседло-земледельческих цивилизаций Хорезма и юга Туркмении»¹⁷. Один из традиционных маршрутов перекочевков проходил, вероятно, вдоль Восточного чинка Устюрта, по краю которого отмечена почти сплошная полоса курганов ранних кочевников¹⁸. Эта полоса почти полностью совпадает с маршрутами перекочевков казахов-табынов. Зимовали они в районах Южного Приуралья, ранней весной поднимались на Устюрт, к лету перекочевывали в бассейн Сагиза, Уила и Эмбы. В отдельные неблагоприятные годы они уходили на север, достигая порой бассейна реки Белая¹⁹.

Особенно осязаемым присутствием южноуральских кочевников на Устюрте становится с начала IV в. до н.э. И связано это, скорее всего, с политическими событиями на южной границе кочевого мира в Приаралье и, прежде всего, в Хорезме. Здесь необходимо лишь подчеркнуть, что кочевая степь и Хорезм представляли собой единую экономическую систему, а в основе тесных взаимосвязей кочевников Южного Приуралья и Хорезма лежит «сарматский кочевой цикл» или, шире, пастбищно-кочевая система Урало-Аральского региона²⁰. В этом плане совершенно справедлива точка зрения О.И. Сатеева, рассматривающего развитие общества, оставившего памятники прохоровской культуры Южного Урала, как процесс, интегрированный с развитием социально-экономической системы государственных образований этого времени²¹.

В конце VI в. до н.э. Хорезм и часть кочевников между Аралом и Каспием вошли в состав одной из сатрапий персидской державы. Политика Ахеменидов в отношении кочевников была, по всей вероятности, достаточно жесткой. Не исключено, что именно этим объясняется нежелание части номадов признать господство персов и перенесение ими центра своего племенного объединения (и родовых могильников) на север, в степи Приуралья²². Однако восстания в покоренных областях и мятежи сатрапов вели к ослаблению Ахеменидского государства. В этих условиях при Артаксерксе II (404–359 гг. до н.э.) Хорезм, ранее в административном отношении объединенный с Парфией, становится отдельной сатрапией Ахеменидского государства²³. Это преобразование имело своим следствием строительство укрепленного центра новой административной единицы с дворцом сатрапа. Этим центром, вероятно, должно было стать городище Калалыгыр²⁴, строительство которого развернулось на рубеже V – IV вв. до н.э. Однако персы, как считает Ю.А. Рапопорт, видимо запоздали с учреждением Хорезмийской сатрапии. Хорезм отпадает от Ахеменидов, добившись независимости. Персы вынуждены были уйти из страны, бросив недостроенным свой город²⁵. Хорезм, Согдиана и сакские племена к концу царствования Артаксеркса II из подданных царя переходят в разряд его союзников²⁶.

Добиться независимости Хорезм мог, вероятно, только опираясь на поддержку кочевых племен, также стремившихся к независимости. Это, скорее всего, вызвало изменение его взаимоотношений с кочевниками: из противников они должны были стать союзниками²⁷. Необходимость союза обусловила, вероятно, то, что Устюрт, традиционное место зимних стойбищ южноприуральских кочевников, стал относительно безопасным районом. Возможно, Хорезм, стремясь заручиться поддержкой воинственных номадов, предоставил им и определенные гарантии безопасности. Результатом стало возможным появление в начале IV в. до н.э. погребальных памятников кочевников, в том числе и приуральских, на Восточном чинке Устюрта, рядом с хорезмийским городищем Большая Айбугир-кала. Возникновение городища относится к концу V – началу IV в. до н.э. По мнению В.Н. Ягодина, это городище являлось главным опорным пунктом торговли Хорезма с кочевниками Южного Приуралья. Показательно, что одновременно, в начале IV в. до н.э., в урочище Айбугир исчезают курганы с погребениями на горизонте²⁸.

Возможно, через городище Айбугир-кала из Хорезма на Южный Урал поступала часть красноглиняной станковой керамики, представленной в прохоровских погребениях Южного Зауралья целыми или фрагментированными сосудами и пряслицами из их стенок²⁹. Через Хорезм могли поступать на Южный Урал, в том числе и в Южное Зауралье, бусы и подвески из индийского сердолика и халцедона, натурального или искусственно окрашенного в черный цвет, с белым, вытравленным содой орнаментом³⁰. Они встречаются как в нижних слоях (IV – II вв. до н.э.) Кой-Крылган-кала, так и в погребениях IV–III вв. до н.э. могильника Туз-гыр, найдены они и в памятниках чирикратской культуры Юго-Восточного Приаралья³¹.

С середины IV в. до н.э., в связи с передвижением в Южное Приуралье части номадов Южного Зауралья, включивших в свой состав выходцев из зауральского лесостепного населения, масса кочевников, зимующих на Устюрте, возрастает. Кроме того, относительная перенаселенность в степях Южного Приуралья определила миграцию населения этого региона не только на Запад, прежде всего в Нижнее Поволжье³², но, очевидно, и на Устюрт, природные условия которого благоприятствовали развитию здесь скотоводства. Согласно данным Е.В. Глушко, в середине I тыс. до н.э., в условиях пониженных среднеиюльских температур и повышенной влажности, в районе Присарыкамышской дельты Амударьи господствовали лесные тугайные сообщества. На прилегающих же пространствах Устюрта сформировались лугово-степные и степные сообщества на плодородных каштановых почвах с близким залеганием грунтовых вод. В Присарыкамышье, пустынях Каракумы и Кызылкумы, на плато Устюрт, в солончаках Барса-Кельмес функционировали системы проточных озер³³.

Миграция из степей Южного Приуралья на Устюрт привела к значительному увеличению кочевого населения, постоянно проживавшего между Каспием и Аралом. В конце IV в. до н.э. или на рубеже IV – III вв. до н.э. на Устюрте, в левобережном Хорезме и в Прикарабогазье появляются целые могильники с захоронениями в подбоях с южной и северной ориентировкой погребенных, в катакомбах с южной ориентировкой покойников, в простых ямах с меридиональной ориентировкой. Их широкое распространение свидетельствует, как считает Б.И. Вайнберг, «... об одновременном продвижении из Приуралья в Восточный Прикаспий и левобережный Хорезм особой группы населения», которую она называет «юечжи», впрочем, не вкладывая в это название конкретного этнического содержания. Эта группа, по ее мнению, мигрировала с территории, получившей в литературе названия коридора Хеси, или Ганьсуйского (провинция Ганьсу в современном Китае), в Южное Приуралье. Отсюда она через плато Устюрт проникает в левобережный Хорезм и в Восточный Прикаспий³⁴. Соглашаясь в целом с выводами Б.И. Вайнберг, мы, однако, считаем необходимым внести в них некоторые коррективы. Во-первых, вне всякого сомнения, исходная территория миграции данной группы восточных кочевников находилась где-то в районах Северного Китая или, что более вероятно, Восточного Туркестана. Во-вторых, судя по материалам погребальных памятников Южного Урала, миграция восточных кочевников в этот регион произошла, скорее всего, в третьей четверти V в. до н.э.³⁵ И, наконец, в левобережном Хорезме появляются уже не восточные кочевники («юечжи»), а ранние сарматы Южного Урала, носители прохоровской культуры, в окончательном сложении которой и приняли участие эти мигранты с востока, на что, кстати, указывает и Б.И. Вайнберг³⁶.

Возрастание роли кочевников в Арало-Каспийском регионе особенно наглядно проявляется в событиях, связанных с покорением севера Средней Азии Александром Македонским. Активное участие в них кочевого населения хорошо фиксируется античными источниками³⁷. По справедливому замечанию Б.И. Маршака и В.И. Распопова, без союза с кочевниками сопротивление завоевателям оказывалось бы с самого начала обреченным на поражение³⁸.

Усиление кочевников и возрастание их политического влияния в Средней Азии способствовало тому, что они стали чувствовать себя полными хозяевами пространств между Аралом и Каспием, не опасавшимися за свои родовые могильники и святилища. В этой же обстановке на Устюрте, но все же довольно далеко от Хорезма, возникают комплексы байтинского типа. Наличие здесь, помимо курганов, культовых сооружений в виде выкладок, жертвенников и настоящих храмов, а также большого количества антропоморфных изваяний дает основание рассматривать их как святилища. Эти

святилища имели ярко выраженный воинский характер и были, очевидно, связаны с культом героизированных предков и военных вождей³⁹.

Следует отметить, что в IV – III вв. до н.э. в северной части Восточного Прикаспия наряду со святилищами байтинского типа (Устюрт и Мангышлак) возникают также святилища дыкылтасского типа (Мангышлак). Характерной чертой памятников типа Дыкылтас являются каменные менгириобразные стелы. На всех же святилищах байтинского типа, в отличие от святилищ дыкылтасского типа, обнаружены антропоморфные каменные скульптуры⁴⁰. Как представляется, дыкылтасский тип святилищ можно связать с культурой погребений на горизонте⁴¹. Культовые комплексы, предшествующие и одновременные дыкылтасским святилищам, исследованы также на Узбое и в Северо-Западной Туркмении. На Узбое они датируются V – II вв. до н.э. (Ичянлыдепе)⁴². В Северо-Западной Туркмении в центре горного массива Большой Балхан изучен комплекс Гарраулдепе, очень близкий конструктивно святилищу Дыкылтас, но функционировавший с VII–VI вв. до н.э. по II в. до н.э. Состоял он из каменного здания, округлых каменных оград с отдельно стоящими стелами и других сооружений⁴³. Байтинский же тип святилищ связан, очевидно, с кочевниками Южного Приуралья. Явную «сарматоидность» кочевых племен, оставивших святилища типа Байте III, отмечают большинство исследователей⁴⁴.

О присутствии южноуральских кочевников на Устюрте свидетельствуют, на наш взгляд, также следующие факты. На территории комплекса Байте I с антропоморфными скульптурами исследовано полностью разграбленное погребение конца V – IV в. до н.э. Оно по всем своим признакам относится к культуре погребений на горизонте. Однако в погребальной камере, в которой полностью отсутствовали кости человека, найден фрагмент песчаникового блюда-жертвенника с орнаментом по бортику, аналогичного южноуральским⁴⁵. На святилище Байте III основное коллективное захоронение кургана 6 совершено на древней дневной поверхности внутри кольца из плашмя уложенных каменных плит. Погребение почти полностью разграблено и разрушено. Вводное же захоронение мужчины было совершено в неглубокой яме, выкопанной в западной части кургана. Погребенный лежал головой на юг в сопровождении небогатого инвентаря, в числе которого были бронзовые наконечники стрел. Оба погребения автор раскопок датировал второй половиной IV – первой половиной III в. до н.э.⁴⁶

Истоки традиции изготовления каменных статуй святилищ байтинского типа следует искать, как представляется, в среде южноуральских номадов. Обычай устанавливать в курганных могильниках каменные монументы в степях Южного Урала существовал с середины VI в. до н.э. по конец IV в. до н.э. На Устюрте каменные антропоморфные скульптуры появляются с конца V в. до н.э., а со временем здесь создаются грандиозные святилища. Причем наиболее ранние устюртские изваяния по своим морфологическим и иконографическим особенностям и предметному репертуару весьма близки южноуральским⁴⁷.

Появление же самих святилищ на Устюрте связано, на наш взгляд, с теми изменениями, которые произошли на Южном Урале в IV в. до н.э. Как уже неоднократно отмечалось, в конце VI – V вв. до н.э. на территории степей Южного Урала существовало крупное этнопотестарное объединение кочевников с иерархической структурой⁴⁸. Для него была характерна значительная степень социальной дифференциации, что находило отражение в системе погребальной обрядности. Своего расцвета это объединение достигло, вероятно, в конце V – самом начале IV в. до н.э. Именно в это время появляются такие грандиозные сооружения, как «царский» Филипповский курган. Однако начавшиеся в это же время деструктивные процессы, связанные с изменением климатических условий в степях Южного Урала, переселением части южноуральских племен в Южное Приуралье, оттоком южноуральского кочевого населения за пределы региона, приводят во второй половине IV в. до н.э. к

окончательному распаду этого объединения. Прошедшие изменения в обществе фиксируются изменениями в погребальной обрядности и, прежде всего, тех ее элементов, которые связаны с координацией действий значительного числа людей, использованием в обряде большого количества материальных ценностей. Исчезает традиция сооружения сложных надмогильных, подкурганых и околкурганых конструкций, больших квадратных и дромосных могил, уменьшается количество животных, используемых для тризны и жертвоприношений⁴⁹. Широкое распространение получает обычай совершать большое количество захоронений в одном кургане, а также впускать погребения в курганы предшествующего времени. Происходит и определенная унификация погребальной обрядности⁵⁰. Все это позволяет сделать предположение о том, что в течение IV в. до н.э. в обществе ранних кочевников Южного Урала происходит переход от сетевой политико-экономической стратегии к корпоративной⁵¹.

Подчеркнем, что наиболее наглядным свидетельством корпоративной стратегии как раз и является строительство монументальных публичных сооружений, символизирующих объединение в целом и предназначенных для участия широких масс населения в общих ритуалах⁵².

Вернемся, однако, в Арало-Каспийский регион. Многоактные захоронения в подземных склепах (ямы с дромосом) конца V–III в. до н.э., сходные по существу с узбойскими, открыты и на территории Присарыкамьшской дельты⁵³. Отличие присарыкамьшских склепов от узбойских состоит в использовании подземных конструкций и в отсутствии предметов вооружения среди погребального инвентаря. Помимо коллективных захоронений в подземных склепах, здесь же, иногда в тех же могильниках (Сакар-чага 1), исследованы и захоронения IV – II в. до н.э. или второй половины IV – II в. до н.э., в узких прямоугольных ямах и ямах с подбоями (Сакар-чага 2, ранняя группа погребений могильников Тарым-кая и Туз-гыр). Причем в этой группе встречены как одиночные и парные, так и коллективные многоактные захоронения. Ориентировка погребенных различна, включая южную, при преобладании северной. Для погребений в простых ямах и ямах с подбоями, также как и для захоронений в подземных склепах, характерно почти полное отсутствие предметов вооружения⁵⁴. По мнению Л.Т. Яблонского, все эти погребения (в ямах с дромосами, узких прямоугольных ямах, ямах с подбоями) оставлены местным полуоседлым скотоводческим населением, находившимся в зависимости от государственно-административных структур Хорезма⁵⁵.

Коллективные захоронения в ямах с дромосами (подземные склепы) Присарыкамьшья, имея сходство по существу с узбойскими, тем не менее наиболее близки южноуральским погребальным комплексам этого типа⁵⁶. Но если на Южном Урале коллективные погребения в ямах с дромосами датируются в пределах конца VI – IV в. до н.э., то в Южном Приаралье они появляются не ранее конца V в. до н.э. Следует также отметить, что в Присарыкамьше пока не обнаружены погребальные комплексы, которые можно было бы уверенно датировать V в. до н.э.⁵⁷ Одновременно с появлением дромосных могил в Присарыкамьше приходит круглодонная керамика, неизвестная на территории Хорезма в предшествующее время и имеющая полные аналогии в южноуральских памятниках V – IV вв. до н.э. Отмечается и обычай помещения с погребенным заупокойной пищи в виде сочлененной с лопаткой передней ноги барана⁵⁸. Все это наводит на мысль о том, что данный тип погребальных сооружений в Южном Приаралье мог появиться в результате оседания здесь беднейшей части кочевников Южного Урала. Пришлый характер населения, оставившего в Присарыкамьше дромосные могилы с многоактными захоронениями, подчеркивает и Б.И. Вайнберг. По ее мнению, промежуточным пунктом на пути движения этой группы населения с «сарматской» территории в левобережный Хорезм являются подобные погребальные сооружения V – рубежа V – IV в. до н.э. Устюрта (Девкескен 4)⁵⁹.

С процессом оседания на границах Хорезма части южноуральских номадов следует, очевидно, связывать и появление в Присарыкамышье ранних, IV – II вв. до н.э., подбойных захоронений⁶⁰. Пришлый характер кочевников, переселившихся в левобережный Хорезм через Устюрт из Южного Приуралья на рубеже IV – III вв. до н.э. и оставивших курганы с подбойно-катакомбными захоронениями, отмечает и Б.И. Вайнберг⁶¹. Вскоре после прихода в оазис низовьев Амударьи выходцы из этой группы кочевников захватывают власть в Хорезме и основывают свою династию. С конца II в. до н.э. или рубежа II–I вв. до н.э. эта кочевая династия чеканит собственную монету. Причем тамги на ее монетах близки тамгам на монетах правителей Согда (Самарканда и Бухары) этого же времени. Тамги такого же типа известны в Юго-Западной Монголии, на Устюрте (святилище Байте III) и в Северном Причерноморье⁶². В этой связи отметим, что в Южном Приуралье в кургане середины V в. до н.э. Имангазы-Карасу II на реке Жаксы-Каргала найдена каменная плита с тамгообразным знаком в виде круга и горизонтально отходящего от него Г-образного «отростка»⁶³. Аналогичный знак встречен на стеле из комплекса Дыкылтас и на плитах засыпки главной культовой конструкции на святилище Байте III⁶⁴. Отметим также, что аналогичные знаки известны в Центральной и Восточной Монголии⁶⁵.

О возможности оседания номадов Южного Урала на границах Хорезма говорят и данные антропологии. По мнению Л.Т. Яблонского, «... данные краниологии со всей определенностью свидетельствуют об общем (на высоком таксономическом уровне) происхождении сарматских и присарыкамышских популяций кангюйской эпохи. При этом географическая прародина общего краниологического комплекса лежит за пределами Южного Приуралья и располагается, вероятно, в степях Приуралья и Зауралья савроматского времени»⁶⁶. «Данные антропологии... говорят о более чем вероятной принадлежности сакар-чагинцев к популяции “восточного” приуральского типа савромато-сарматского времени». Р.М. Юсупов отмечает, что антропологические материалы могильника Филипповка «... оказались морфологически более близкими к сакским племенам Приуралья IV – II вв. до н.э. Та же картина выявляется при анализе черепов савроматов и ранних сарматов из других районов Южного Приуралья (Старые Кишки, Ново-Мурапталово)»⁶⁷. Это, по его мнению, может указывать и на «единые корни их расогенеза». Заслуживает внимания и предположение Л.Т. Яблонского о том, что в составе южноуральских номадов, осевших в Присарыкамышье, были выходцы из зауральской лесостепи⁶⁸. Об этом, на наш взгляд, может свидетельствовать не столько конструктивная близость сакар-чагинских склепов и жилищ лесостепного Зауралья⁶⁹, сколько широкое распространение ориентировки погребенных в северный сектор⁷⁰.

Миграция кочевников Южного Приуралья к границам Хорезма и их оседание здесь, как совершенно справедливо отмечает Л.Т. Яблонский, имела постепенный и спорадический, волнообразный характер⁷¹. Этому оседанию способствовали не только далеко зашедшее в их среде социальное расслоение, но и, вероятно, протекционистский характер политики Хорезма по отношению к кочевникам в поздне- и послеахеменидское время. Вполне вероятно, что Хорезм использовал этих скотоводов как воинский контингент на своих границах. Кроме крепостей в скотоводческой зоне левобережного Хорезма появляются специальные ремесленные поселения, существовавшие с IV – III вв. до н.э. по IV в. н.э. Производимая там продукция использовалась в качестве платы кочевникам за воинскую службу⁷². Очевидно, определенная часть производимой на этих поселениях ремесленной продукции поступала и на пограничные рынки, открытые для торговли с кочевой степью, не зависящей политически от Хорезма. Нельзя также не учитывать и экологический фактор. Концентрация значительных масс населения в Южном Приуралье на фоне начавшейся аридизации привела к оттоку уже в IV в. до н.э., но особенно на рубеже IV – III вв. до н.э. южноприуральских номадов не только на запад, но и на юг, в частности в Присарыкамышье⁷³. Осев на границах

Хорезма и став структурной частью системы хорезмийской государственности, эти скотоводы находились уже в непосредственной политической зависимости от государственных институтов власти⁷⁴. Следует подчеркнуть, что осевшие скотоводы жили внутри границ Хорезмского оазиса. От кочевого мира с запада их отделяла система пограничных крепостей, таких как Канга-кала, Бутентау I и II, ранний Дев-кескен и др. Время их возведения – рубеж V – IV вв. до н.э. – IV в. до н.э.⁷⁵.

В середине III в. до н.э. кочевые племена даев (дахов) продвинулись к юго-восточным берегам Каспия и появились в Парфии. Здесь в результате успешного восстания, возглавляемого Аршаком, представители кочевой аристократии даев или парнов захватили власть в независимом Парфянском государстве. Во главе этого царства стала кочевая династия аршаков, правившая с середины III в. до н.э. по III в. н.э.⁷⁶ Большинство исследователей совершенно справедливо, на наш взгляд, отождествляют дахов (даев) с носителями прохоровской культуры Южного Урала⁷⁷. О наличии же сарматского компонента среди кочевников Северной Парфии свидетельствуют данные погребального обряда (погребения в катакомбах с южной ориентировкой погребенных) и инвентаря исследованных здесь курганных могильников⁷⁸.

Примечания

- ¹ См.: Рапопорт Ю.А. Религия древнего Хорезма: некоторые итоги исследований // ЭО. 1996. № 6. С. 56; Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А. Городище Кюзели-гыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма // ВДИ. 1997. № 2. С. 163, 171; Яблонский Л.Т. Некрополи древнего Хорезма (археология и антропология могильников). М., 1999. С. 100.
- ² См.: Ягодин В.Н. Устюрт и Приаральская дельта: (Некоторые итоги археологических исследований 1971–1975 гг.) // Обществ. науки в Узбекистане. 1976. № 11. С. 47.
- ³ По мнению Б.И. Вайнберг, «каменные курганы» Устюрта представляют собой остатки сооружений, идентичных узбойским, но только хуже сохранившихся (см.: Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. VII в. до н.э.–VIII в. н.э. М., 1999. С. 149).
- ⁴ См.: Мандельштам А.М. К характеристике памятников ранних кочевников Закаспия // КСИА. 1976. Вып. 147. С. 21–26; Он же. О «впускных» погребениях в курганах эпохи бронзы Закаспия // КСИА. 1983. Вып. 176. С. 96–101; Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Ташкент, 1978. С. 187–189; Юсупов Х. Древности Узбоя. Ашхабад, 1986. С. 136; Ягодин В.Н. Стреловидные планировки Устюрта (опыт историко-культурной интерпретации) // Археология Приаралья. Ташкент, 1991. Вып. V. С. 127; Ольховский В.С., Галкин Л.Л. Культурный комплекс на Устюрте (предварительное сообщение) // СА. 1990. № 4. С. 199 – 200; Вайнберг Б.И. Указ. соч. С. 139.
- ⁵ См.: Ягодин В.Н. Стреловидные планировки ... С. 128.
- ⁶ См.: Мандельштам А.М. К характеристике... С. 26; Он же. Заметки о сарматских чертах в памятниках кочевников южных областей Средней Азии // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 174; Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. С. 181–185; Юсупов Х. Указ. соч. С. 144; Ягодин В.Н. Стреловидные планировки... С. 128; Горбунова Н.Г. Погребальные каменные постройки Юго-Западной Ферганы первой половины I тысячелетия н.э. // АСГЭ. 1998. Вып. 33. С. 108; Вайнберг Б.И. Указ. соч. С. 161, 222, 233.
- ⁷ Характеристику культуры ранних саков Южного Приаралья см.: Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М., 1996.
- ⁸ См.: Яблонский Л.Т. Модель раннего этногенеза в скифо-сакской контактной зоне // РА. 1998. № 4. С. 46; Вайнберг Б.И. Изучение памятников Присарыкамьшской дельты Амударьи в 70 – 80-х годах // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (древность и средневековье). М., 1991. Вып. 1. С. 20.
- ⁹ См.: Таиров А.Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э.: Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск, 2003. С. 52–54. По данным Л.Т. Яблонского, после VI в. до н.э. в Южном Приаралье уже не встречается захоронений на поверхности древнего горизонта, да и погребальные комплексы скотоводческого населения, которые достаточно уверенно можно датировать в пределах V в. до н.э., пока не обнаружены (см.: Яблонский Л.Т. Некрополи древнего Хорезма... С. 46).
- ¹⁰ См.: Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья... С. 18–29.
- ¹¹ См.: Вайнберг Б.И. История обводнения Присарыкамьшской дельты Амударьи в древности в свете археологических работ последних десятилетий // Аральский кризис (историко-географическая

- ретроспектива). М., 1991. С. 130; Она же. Экология Приаралья в древности и средневековье // ЭО. 1997. № 1. С. 25 – 26.
- ¹² См.: Юсупов Х. Результаты археологических работ в Северо-Западной Туркмении весной 1971 г. // Каракумские древности. Ашхабад, 1977. Вып. V. С. 128–131; Он же. Ранний железный век Северной Туркмении // Ранний железный век Средней Азии и Индии: Тез. докл. членов совет. делегации на первом совет.-индийс. симп. Ашхабад, 1984. С. 55–57; Он же. Древности Узбоя... С. 135–140, 146, 148; Вайнберг Б.И. Изучение памятников... С. 22; Она же. Этногеография Турана... С. 138–148.
- ¹³ См.: Вайнберг Б.И. Этногеография Турана... С. 148.
- ¹⁴ Ягодин В.Н. Стреловидные планировки... С. 128.
- ¹⁵ См., например: Древняя и средневековая... С. 190–193; Ягодин В.Н. Археологическое изучение курганных могильников Каскажол и Бернияз на Устюрте // Археология Приаралья. Ташкент, 1982. Вып. I. С. 77 – 78.
- ¹⁶ См.: Вайнберг Б.И. Этногеография Турана... С. 151.
- ¹⁷ Ягодин В.Н. Стреловидные планировки... С. 128.
- ¹⁸ См.: Он же. Курганы кочевников Восточного чинка Устюрта // Тез. докл. сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973. С. 114; Он же. Археологическое изучение... С. 77.
- ¹⁹ См.: Он же. Устюрт и Приаральская дельта... С. 48; Древняя и средневековая... С. 290; Викторов С.В. Индикация старых путей кочевания казахских родов Табын и Адай и ее значение для современного освоения Устюрта // Изв. Всесоюз. геогр. общества. 1971. Т. 103. Вып. 5. С. 444 – 451.
- ²⁰ См.: Ягодин В.Н. Хорезм и ранние кочевники Устюрта // Античная культура Средней Азии и Казахстана: Тез. докл. Всесоюз. науч. совещ. Ташкент, 1979. С. 37; Он же. Археологическое изучение... С. 78; см. также: Таиров А.Д. Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников Урало-Казахстанских степей в I тысячелетии до новой эры // Кочевники Урало-Казахстанских степей / Отв. ред. А.Д. Таиров. Екатеринбург, 1993. С. 3 – 23.
- ²¹ См.: Сатеев О.И. Социально-экономические факторы формирования военно-демократического комплекса в сарматском обществе (к вопросу о раннеаланской стадии) // Первая Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар, 1989. С. 91.
- ²² См.: Таиров А.Д. Изменения климата... С. 54.
- ²³ См.: Пьянков И.В. «История Персии» Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н.э. // ВДИ. 1965. № 2. С. 42.
- ²⁴ См.: Вайнберг Б.И. Изучение памятников... С. 23.
- ²⁵ См.: Рапопорт Ю.А. Святилище во дворце на городище Калалыгър I // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987. С. 141, 142.
- ²⁶ См.: Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985. С. 248.
- ²⁷ Отметим в этой связи, что правитель Хорезма Фарасман прибыл на переговоры с Александром Македонским «с конницей в полторы тысячи человек» (Арриан, IV, 15, 4).
- ²⁸ См.: Ягодин В.Н. Археологическое изучение... С. 76–78; Вайнберг Б.И. Этногеография Турана... С. 149.
- ²⁹ См.: Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х. Курганы раннесарматской культуры в Южной и Юго-Восточной Башкирии // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977. С. 55.
- ³⁰ См.: Акбулатов И.М. Ново-Калкашский II курганный могильник на р. Стерля // УАВ. 1998. Вып. 1. С. 124. Рис. 9, 16, 21; Садыкова М.Х., Васильев В.Н. Поздние прохоровцы в Центральной Башкирии // УАВ. 2001. Вып. 3. С. 67. Рис. 8, 11; Пшеничнюк А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебинского могильника // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993. Рис. 6, 5; 7, 4.
- ³¹ См.: Трудновская С.А. Ранние погребения юго-западной курганной группы могильника Туз-гър // ТХАЭЭ. 1979. Т. XI. Кочевники на границах Хорезма. С. 107 – 108. Рис. 4, 1 – 15; Она же. Об одной редкой серии индийских бус в юго-восточном Приаралье // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 83–85; Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикратская культура в низовьях Сырдарьи // Степи Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. Табл. 14, 21, 44; Они же. Чирикратская культура // Низовья Сырдарьи в древности. М., 1993. Вып. 1. С. 48. Рис. 54.
- ³² См.: Таиров А.Д. Генезис раннесарматской культуры Южного Урала // АПО. 1998. Вып. II. С. 91 – 92; Он же. Прохоровская культура Южного Урала: генезис и эволюция // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. Самара, 2000. С. 21 – 22.
- ³³ См.: Глушко Е.В. Цикличность ландшафтообразования Южного Приаралья в голоцене // География и природ. ресурсы. 1996. № 4. С. 30 – 35; см. также: Таиров А.Д. Изменения климата... С. 42 – 43.
- ³⁴ См.: Вайнберг Б.И. Этногеография Турана... С. 150 – 151, 241 – 249.
- ³⁵ Таиров А.Д. К вопросу о савромато-сарматских миграциях в лесостепное и степное Обь-Иртышье // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 53.
- ³⁶ См.: Вайнберг Б.И. Этногеография Турана... С. 247.

- ³⁷ См.: Гафуров В.Г., Цибукидис Д.И. Александр Македонский и Восток. М., 1980. С. 235 – 268; из последних работ см.: Гаибов В.А., Кошеленко Г.А. Кочевники Средней Азии в эпоху Александра Македонского: (Данные письменных источников) // ВДИ. 2005. № 1. С. 103 – 127.
- ³⁸ См.: Маршак Б.И., Распопова В.И. Кочевники и Согд // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 419.
- ³⁹ См.: Ольховский В.С., Галкин Л.Л. Указ. соч. С. 205; Ольховский В.С. Древние святилища Устюрта: контакт и конфликт культур // Наука в России. 1997. № 6. С. 72–74; Он же. Каменные храмы Устюрта // Наука в России. 1999. № 4. С. 70, 74, 76.
- ⁴⁰ См.: Дженито Б., Ольховский В.С., Самашев З.С., Франкфор А.П. Исследование древних святилищ Арало-Каспийских степей: итоги и перспективы // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000. С. 9–12.
- ⁴¹ См.: Самашев З.С., Ольховский В.С. Стелы Дыкылтаса (Западный Казахстан) // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара, 1996. Вып. 1. С. 219; Загородний А.С., Исмагилов Р.Б., Самашев З.С. Могильник Дыкылтас на Мангышлаке // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. междунар. конф. Запорожье, 1994. Ч. II. С. 64 – 66; Дженито Б и др. Указ соч. С. 9 – 11.
- ⁴² См.: Юсупов Х. Ранний железный век... С. 56.
- ⁴³ См.: Вайнберг Б.И. Этногеография Турана... С. 141–145.
- ⁴⁴ См., например: Ольховский В.С., Яценко С.А. О знаках-тамгах из святилища Байте III на Устюрте (предварительное сообщение) // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000. С. 297, 307, 308; Железчиков Б.Ф., Сергацков И.В., Скрипкин А.С. Древняя история Нижнего Поволжья по письменным и археологическим источникам: Учеб. пособие. Волгоград, 1995. С. 76 – 77.
- ⁴⁵ См.: Ольховский В.С., Галкин Л.Л. Указ соч. С. 199 – 200. Рис. 3.
- ⁴⁶ См.: Ольховский В.С. Исследования на западном Устюрте (Казахстан) // АО. 1996. М., 1997. С. 393 – 394.
- ⁴⁷ См.: Таиров А.Д., Гуцалов С.Ю. О генезисе каменных антропоморфных изваяний Арало-Каспийского региона // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2001. Вып. 1. С. 161 – 164; Гуцалов С.Ю. Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века Южного Урала и Устюрта // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона: Материалы межрегион. науч. конф. / К 25-летию Музея археологии и этнографии ИЭИ УНЦ РАН. Уфа, 2001. С. 23–25.
- ⁴⁸ См.: Таиров А.Д. Прохоровская культура... С. 18; Он же. Ранний железный век и средневековье. Челябинск, 2000. С. 153.
- ⁴⁹ См.: Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А. Кочевники Самарского Поволжья во второй половине I тысячелетия до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара, 2000. Вып. 1. С. 79 – 80.
- ⁵⁰ См.: Железчиков Б.Ф. Анализ сарматских погребальных памятников IV – III вв. до н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II: Раннесарматская культура (IV–I вв. до н.э.). М., 1997. С. 96; Железчиков Б.Ф., Скрипкин А.С. Заключительные замечания // Там же. С. 213 – 214.
- ⁵¹ См.: Таиров А.Д. О трансформации погребальной обрядности в раннепрохоровское время // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы II регион. науч.-практ. конф. Челябинск, 2004. С. 127 – 129.
- ⁵² См.: Ковалевски С. Циклические трансформации в северо-американской доистории // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 179–181; Уасон П., Балдиа М. Религия, коммуникация и генезис сложной социальной организации в неолитической Европе // Там же. С. 30.
- ⁵³ См.: Яблонский Л.Т. Многоактные захоронения в подземных склепах Присарыкамьшья эпохи железа // УАВ. 1998. Вып. 1. С. 8 – 24; Он же. Некрополи древнего Хорезма... С. 12–20, 34, 47.
- ⁵⁴ Он же. Некрополи древнего Хорезма... С. 20–26, 34, 36; Трудновская С.А. Ранние погребения...
- ⁵⁵ См.: Яблонский Л.Т. Многоактные захоронения... С. 12; Он же. Некрополи древнего Хорезма... С. 36.
- ⁵⁶ Он же. Некрополи древнего Хорезма... С. 47 – 48.
- ⁵⁷ Там же. С. 46.
- ⁵⁸ Там же. С. 15, 19, 103.
- ⁵⁹ См.: Вайнберг Б.И. Этногеография Турана... С. 151.
- ⁶⁰ См.: Яблонский Л.Т. Некрополи древнего Хорезма... С. 102.
- ⁶¹ См.: Вайнберг Б.И. Экология Приаралья... С. 34; Она же. Этногеография Турана... С. 161, 163. Первоначально дата появления подбойно-катакомбных захоронений в Хорезме определялась Б.И. Вайнберг «... не позднее III в. до н.э. или ... не позднее начала III в. до н.э.» – см.: Вайнберг Б.И. История обводнения... С. 137; Она же. Изучение памятников... С. 39, 61.

- ⁶² Она же. Этногеография Турана... С. 251 – 252; Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976. С. 69–71; Ольховский В.С., Яценко С.А. Указ. соч. С. 303 – 307.
- ⁶³ См.: Гуцалов С.Ю., Таиров А.Д. Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века южноуральских степей // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. С. 227. Рис. 8, 8.
- ⁶⁴ См.: Самашев З.С., Ольховский В.С. Указ. соч. Рис. 6; Ольховский В.С., Яценко С.А. Указ. соч. Ил. 3; 4, 1.
- ⁶⁵ См.: Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001. Рис. 35, 123 – 125, 191.
- ⁶⁶ Яблонский Л.Т. Некрополи древнего Хорезма... С. 102 – 103.
- ⁶⁷ Юсупов Р.М. Палеоантропология ранних кочевников Южного Урала по материалам Филипповских курганов // XV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. междунар. науч. конф. Оренбург, 2001. С. 150.
- ⁶⁸ См.: Яблонский Л.Т. Некрополи древнего Хорезма... С. 103.
- ⁶⁹ Там же. С. 48 – 49.
- ⁷⁰ Там же. С. 17, 22.
- ⁷¹ Там же. С. 101.
- ⁷² См.: Вайнберг Б.И. Изучение памятников... С. 46; Она же. История обводнения... С. 136; Она же. Этногеография Турана... С. 166; Вайнберг Б.И., Глушко Е.В., Цвечинская Е.А. Ландшафтно-археологические исследования эволюции Присарыкамьшской дельты Амударьи с использованием дистанционных методов // РА. 1998. № 1. С. 34 – 35.
- ⁷³ См.: Яблонский Л.Т. Некрополи древнего Хорезма... С. 101.
- ⁷⁴ См.: Вайнберг Б.И. История обводнения... С. 138; Она же. Этногеография Турана... С. 165; Яблонский Л.Т. Некрополи древнего Хорезма... С. 49.
- ⁷⁵ См.: Вайнберг Б.И. Изучение памятников... С. 44 – 46, 62; Она же. История обводнения... С. 137; Ягодин В.Н. Исследования на плато Устюрт // АО. 1986. М., 1988. С. 504.
- ⁷⁶ См.: История таджикского народа. Т. 1. С древнейших времен до V в. н.э. М., 1963. С. 290–297; Заднепровский Ю.А. Взаимодействие кочевников и древних цивилизаций и этническая история Средней Азии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 262; Мандельштам А.М. Античные государства и кочевые племена в Средней Азии // Тез. докл. сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973. С. 125.
- ⁷⁷ См., например: Смирнов К.Ф. Савроматы и сарматы // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С. 135 – 136; Он же. Кочевники Северного Прикаспия и Южного Приуралья скифского времени // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 76 – 77; Он же. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 15 – 16; Заднепровский Ю.А. Указ соч. С. 262; Клепиков В.М., Скрипкин А.С. Ранние сарматы в контексте исторических событий Восточной Европы // Сарматы и Скифия: Сб. науч. докл. III междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Азов, 1997. С. 38; и др.
- ⁷⁸ См.: Мандельштам А.М. Некоторые новые данные о памятниках кочевого населения Южного Туркменистана в античную эпоху // Изв. АН ТуркССР. Сер. обществ. наук. 1963. № 2. С. 33; Он же. Об одном археологическом аспекте кушанской проблемы // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 139; Пилипко В.Н., Кошеленко Г.А. Северная Парфия // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С. 224.

Список сокращений

- АО – Археологические открытия (Москва)
 АПО – Археологические памятники Оренбуржья (Оренбург)
 АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа (Ленинград, Санкт-Петербург)
 ВДИ – Вестник древней истории
 КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР (Москва)
 РА – Российская археология
 СА – Советская археология
 ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (Москва)
 УАВ – Уфимский археологический вестник (Уфа)
 ЭО – Этнографическое обозрение